

В. В. Горбань, М. В. Клокова (Одесса)

Этноспецифические черты фразеологической картины мира

Статтю присвячено фразеологізмам як лінгвосеміотичним феноменам. Розглянуто частину фразеосистеми, яка називає людину, описано безеквівалентні блоки, в яких домінують конотативно негативні одиниці.

Ключові слова: фразеосистема, антропоцентричність, лінгвосеміотичний феномен, фразеологічна картина світу, мовний менталітет.

The article is devoted to phraseologisms as linguistic semiotic phenomena. It's considered a part of phraseological system, that calls man. It's described equivalentless blocs, that connotationally negative units are dominant in.

Key words: phraseological system, anthropocentrism, linguistic semiotic phenomenon, phraseological picture of the world.

Смена системно-структурной парадигмы во второй половине XX в. на антропоцентрическую позволила переключить интересы исследователей с объектов познания на субъекта, когда „анализируется человек в языке и язык в человеке” [7, 8]. Это вполне закономерно, так как „язык в высокой степени антропоцентричен. Громадная часть его словаря посвящена человеку – его внутреннему миру, восприятию внешнего мира, физической и интеллектуальной деятельности, его целям, отношениям с другими людьми, общению с ними, оценкам событий, положений и обстоятельств” [1, 451].

Результатом духовной деятельности человека является языковая картина мира: это своеобразное структурирование

знаний об объективной действительности. При этом следует помнить, что „специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определённой национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образом жизни и национальной культурой данного народа” [6, 154]. Национальное своеобразие языковой картины мира следует рассматривать, по справедливому замечанию В. фон Гумбольдта, не как „результат длительного исторического развития, а как изначально данное свойство языков: люди с помощью языка создают свой особый мир, отличный от того, который их окружает – субъективный образ объективного мира” [5, 138].

Целью нашей статьи является выявление особенностей языкового менталитета русских, поляков и немцев на основе анализа фразеологических единиц, характеризующих человека.

Вслед за Т. Б. Радбиль, под *языковым менталитетом* мы будем понимать „национально-специфический способ знакового представления знания о мире, системы ценностей и моделей поведения, воплощённый в семантической системе национального языка”. Впрочем, данный феномен можно определить в духе А. Вежбицкой так: „языковой менталитет – это наш способ жить, думать и разговаривать” [9, 217].

С древних времен человек был существом не только социальным, но и национальным, он не только мыслил и говорил, но и воспринимал себя как часть семьи, рода, племени. „И именно эта принадлежность диктовала человеку особенности взгляда на мир, ценностной ориентации в мире и практического поведения. Эта принадлежность, творчески

преобразованная сознанием и пропущенная через призму ценностной и эмоционально-чувственной сферы, воплощённая в знаковых формах родного языка – и есть национальный <...> языковой менталитет” [9, 216].

Для лучшего осмысления феномена этноспецифического способа познания мира нами предпринято сопоставление трёх языков: русского, польского и немецкого. При этом объект исследования мы сузили до части языковой картины мира, нами рассматривается фразеологическая картина мира. Фразеологическая картина мира – это совокупность знаний о мире на уровне обыденного сознания, т.к. фразеология – „сокровищница языка, хранящая древнейшие слова, отжившие свой век грамматические формы и забракованные временем и литературной нормой синтаксические конструкции. Консервируя форму, она консервирует и содержание – национальные обычаи, поверья, исторические предания, образное видение мира” [8, 25].

Обращение к фразеосистеме мотивируется тем, что ведущим её принципом называют антропоцентричность. Если „лексические средства языка выражают практически всю концептуальную картину мира, то фразеологические характеризуют, в основном, зоны с антропоморфической семантикой” [15, 20]. Фразеология описывает полнее всего те фрагменты объективной действительности, которые связаны с характеристикой психологических черт человека, мыслительных процессов, индивидуально-типологических черт личности. Этот факт подтверждает необходимость исследования фразеологической системы в сфере, касающейся человека.

Наибольшее количество фразеологизмов наблюдается там, где речь идёт о явлениях объективной действительности, вызывающих личную заинтересованность и эмоциональное переживание субъекта. Так, в словаре Дорнзайфа, где автор распределил фразеологизмы по семантическим классам, большинство фразеологизмов относится к классам „Желание

и действие”, „Чувства. Аффекты. Черты характера”, „Мышление”, „Знаки. Информация. Язык”, „Общество и коллектив” [13]. Вот почему нам представляется интересным сопоставить фразеологизмы, описывающие характер человека, в неблизкородственных языках и выявить „особливу образність, виразність, експресивність, аксіологічність, що ґрунтуються на комплексі відчуттів, уявлень народу, інтерсеміотичних сценаріях культури певного етносу або цивілізації, адже деякі звороти є „уламками” інших текстів: міфів, пісень, казок, байок тощо” [11, 12].

Любая фразеосистема, отражая этнознание и культуру, состоит из блоков: эквивалентных (формально и семантически), частично эквивалентных и безэквивалентных. В соответствии с целью нашего исследования наибольший интерес представляет последний, так как он позволяет увидеть уникальность лингвопсихоментальных операций при образовании фразеологизмов. Внутренняя форма, положенная в основу ФЕ, соотносится с лексическим значением, „создаёт особую стереоскопичность словесного представления мира. Ассоциации, создаваемые внутренней формой, обладают большим культурно-национальным своеобразием, чем денотат слова” [7, 46].

Нами выявлен весьма интересный факт: среди безэквивалентных фразеологизмов, характеризующих человека, преобладают называющие отрицательные черты. Вероятно, это можно объяснить законами психологии: отрицательное всегда производит большее впечатление, лучше запоминается, вызывает больше эмоций. Данные результаты подтверждают мнение исследователя Л. И. Ройзензона: „Во фразеологии негативно коннотированные поля всегда более мощные (в количественном отношении), чем поля с позитивной коннотацией” [10, 18]. Поскольку положительное воспринимается как норма, то наш материал дал всего несколько примеров. Проанализируем один из них.

Значение „откровенный, искренний, прямодушный человек” актуализируется в трех русских фразеологизмах: *Весь (вся) наружу*, т.е. человек, не скрывающий ничего, полностью „открывающийся” людям. Этот фразеологизм является синонимом к *душа нараспашку*. *Рубаха-парень* имеет два варианта происхождения: 1. Слово *рубаха* в древнерусском языке обозначало простую, грубую одежду. *Рубашка* – „дешевая и простая одежда”. Формирование значения оборота связано с развитием семы „простота”: простая одежда – простой в обращении [4, 136]. 2. Собственно русское выражение, возникшее на основе фразеологизма *снять с себя последнюю рубаху*. Восходит к Евангелию. Следует отметить, что данный оборот является интернациональным, т.к. существует во многих европейских языках, но только в русской фразеосистеме был создан свой оборот на основе этого образа.

В польском языке обнаружено два фразеологизма с таким значением: *brat-lata* „человек соглашающийся во всем, уважаемый, хороший товарищ, немного бесцеремонный и грубоватый” [14, 115], букв. „брат-заплата” – в основе лежит представление о заплатанной, привычной, „родной” одежде. Эту близость подчёркивает и лексема „брат”. Можно предположить, что для славянского этноса библейские сюжеты довольно близки, что подтверждают языковые данные.

Morowy (byczy, fajny, równy, swój) chłop „мировой парень, порядочный, солидный человек, молодец, удалец” [14, 133], т.е. „парень что надо”. Слово *morowy* „чумной” (образовано от существительного *mór*) является просторечным, что создаёт представление о простом в общении человеке.

В немецкой этноментальности данное значение актуализируется во фразеологизме *eine gemütliche Haut* „рубаха-парень” (букв. „уютная шляпа”) – т.е. с таким человеком хорошо, привычно, уютно находиться, как в своей шляпе, которую носишь каждый день. В отличие от русского и польского фразеологизмов со словами *рубаха*, *lata* „заплата”, здесь исполь-

зуется лексема „шляпа”, поскольку в средние века это была неотъемлемая часть одежды человека.

Гораздо ярче характер безэквивалентности проявляется во фразеологических оборотах с негативной окраской. Характеризуя болтливую человека, разные этносы включают разные образно-ассоциативные механизмы. Так, в русской языковой картине мира это понятие отражают 4 фразеологизма, в том числе и устаревший *Мидасовы уши [иметь]* – возникло на основе античной легенды о царе Фригии Мидасе. Однажды Мидас решил спор между Аполлоном и Вакхом в пользу Вакха. За это Аполлон наказал Мидаса, снабдив его длинными ослиными ушами. Мидас прятал их под свою фригийскую шапку, и только его брадобрей знал об этом. Чтобы освободиться от тяготившей его тайны, брадобрей отправился к озеру и, обратясь к близлежащему болотистому углублению, шепнул: „У Мидаса ослиные уши”. На другой год в этом месте вырос тростник, который постоянно шептал эти слова, и таким образом для всех открылась тайна Мидаса.

Русский фразеологизм *язык без костей* является частью пословицы *Язык без костей – что хочешь плети* [2]. Фразеологизм *распускать язык* восходит к псл. **puskati jezyk*, имея значение „разболтаться, наговорить много лишнего”. Синонимы, как лексические, так и фразеологические, чисто формально противореча основному закону языка, – экономии языковых средств, – на самом деле позволяют увидеть ситуацию в другом ракурсе, привносят новые оттенки значения. В данном фразеологизме наиболее актуальной является информация „много лишнего”. Не случайно в нём употребляется слово „распускать” с фразеологически ограниченной сочетаемостью, которое встречается в другом фразеологизме – *распускать руки*. В праславянский период в глаголе **pustiti* выделялось значение „делать пустым, свободным от чего-либо”, что дало в современном *пустить* „перестать удерживать, привести в движение”.

Русский фразеологизм *балалайка бесструнная* со значением „очень болтливый, неделовой человек, пустомеля” имеет каламбурное происхождение: *балалайка* ‘народный щипковый музыкальный инструмент’ и *балалайка* ‘балаболка’ (*прост.*) [3, 41].

В польском языке болтливый человек характеризуется четырьмя фразеологизмами. В основе польских фразеологизмов *mówić jak katarzynka* („говорить как шарманка”) и *mówić jak nakręcony* („говорить как заведённый”) лежат схожие образы, т.к. шарманка – музыкальный инструмент, издающий звук при вращении ручки. Движение руки шарманщика напоминает движение при заводе механизма. Т.е. болтливый человек говорит бесконечно, как будто в нём находится заводной механизм. При этом первый фразеологизм пересекается с русским *бесструнная балалайка* упоминанием музыкальных инструментов. Но если в польском актуализируется смысл „беспрерывно”, то в русском – „ничемность”, т.к. если на балалайке отсутствуют струны, она – бесполезный предмет.

Другой польский фразеологизм – *gadać ni w pięć ni w dziewięć* („болтать ни в пять ни в девять”) – означает болтать без всякого смысла, неизвестно зачем, невпопад. Модель построения ФЕ на двойном отрицании встречается во многих языках и обозначает нечто среднее, неопределённое. Например, рус. *ни шатко ни валко*, нем. *weder so nicht so* („ни так ни сяк”), пол. *ni pies ni wydra* („ни пёс ни выдра”).

Представление о том, что слова приносятся со слюной, создает фразеологизм *gadać (mówić, pleść), co ślina na język przyniesie* „болтать (говорить, плести) то, что слюна на язык принесёт”, который ассоциативно схож с уже упоминавшейся русской поговоркой *Язык без костей – что хочешь плети*. Идея „плетения” не чужда и русской фразеологии, ср. *плетение словес* „ирон. О многословном, вычурном стиле; о гладкой по форме, однако пустой и бессодержательной речи”

и плести (городить) плетень „неод. Пустословить, говорить несурзное, вздор”.

Такое количество фразеологизмов указанной семантики в русском и польском языках говорит о крайне негативном отношении славянских этносов к пустой, безудержной болтовне.

В немецкой этноментальности болтливый человек характеризуется с помощью фразеологизма *ein gutes Mundwerk haben* (букв. „иметь хороший рот”), в основе которого лежит сравнение рта с заводом, фабрикой, где „производятся” слова. Он в какой-то степени схож с уже упоминавшимся польским *tówić jak nakreconu*.

Рассмотрим фразеологизмы, имеющие значение „пронрыливый, жуликоватый человек; пройдоха”. Их довольно много в русском и немецком языках: *гусь лапчатый, малый (парень) не промах, продувная (хитрая) бестия (шельма), на ходу подмётки рвёт (режет, срезает), кока с соком* [2]; *ein X für ein U vormachen, ein Schlaukopf sein, wissen, wo Barthel den Most holt, (faust)dick hinter den Ohren haben, ein krummer Hund* и др.

Данная группа выбрана нами, т.к. в ней фразеологизируются аспекты, ассоциируемые с довольно яркими культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами, она представляет культурные коды, хранящие информацию об истории, этнографии, национальном поведении и национальном менталитете, для которого ложь, изворотливость – явления осуждаемые и неприемлемые, не соответствующие этикету этноса и стереотипам поведения.

Выражение *гусь лапчатый* „человек, которому всё сходит с рук” восходит к тексту заговора: *С гуся вода, а с тебя, дитяtko, вся худоба*; ассоциация с *гусь* – „мошенник, пройдоха” появилась под влиянием оборота *как с гуся вода* и связано с представлением, что заговоренному человеку не страшны болезни и неудачи. Благодаря тому, что гусь в буквальном смысле выходит из воды сухим (вода скатывается

с его перьев), слово *гусь* приобрело переносное значение „ловкий, плутоватый человек, пройдоха”. Это значение реализуется в словосочетаниях: „Ну и *гусь!* *Хорош гусь!*” Следует отметить, что оборот *как с гуся вода* вне пословичного контекста является более древним, на что указывает его более широкий ареал в отрыве от его „знахарского” переосмысления: бел. *як с гускі вада*; укр. *зійде як вода з гуски*. Это выражение существует также в польском и чешском языках, причём там эти обороты зафиксированы уже с XVI в., т.е. ранее „пословичных” выражений. Такой материал даёт возможность предположить обратное развитие фразеологического образа: от простого, естественного и конкретного образа гуся, с которого легко скатывается вода (из-за особой жировой смазки оперенья), к более сложным ассоциациям. Образ эксплицировался, развёртывался, входя в знахарские и другие фольклорные формулы, пословицы и поговорки [3, 172 –173]. И хотя данный фразеологизм представлен в разных славянских языках, только в русском языке он породил другие: *гусь лапчатый*, *гусь порядочный (хороший)*, *хорош гусь!*, причём в двух последних семантика расширилась: так говорят о человеке, допускающем предосудительные поступки, нерасторопность, недальновидность, заносчивость и т.д.

Малый (парень) не промах – выражение возникло в результате переосмысления прямого значения лексемы *промах*. *Кока с соком* – устаревшее, экспрессивное. Образовано от названия старинного кушанья кока с соком – яйца с толчёными семенами конопли. В данном фразеологизме наблюдается весьма интересный перенос значений: „1. Богатство, достаток. 2. Что-либо неожиданное, неприятное. 3. *ирон.* Хитрец, проныра, ловкач” [12, 245].

Значение „пронырливый, жуликоватый человек; пройдоха” реализуется в немецких фразеологизмах *ein krümmer Hund* („кривая собака”), *wissen, wo Barthel den Most holt*

(„знать, где Бартель приносит молодое вино”), *ein Schlaukopf sein* („быть хитрой головой”) – построен по распространённой модели „прилагательное + голова”. Фразеологизм (*faust dick hinter den Ohren haben* („иметь за ушами крепкий кулак”), вероятно, представляет образ вора, которого хозяин украденной вещи хочет ударить.

К данной группе относится польский фразеологизм *znać wszystkie sposoby* („знать все способы”), т.е. знать, как можно обхитрить.

Интересно рассмотреть и небезэквивалентные фразеологизмы с этим значением. Русский фразеологизм *Лиса Патрикеевна* – немецкий *ein alter Fuchs* („старый лис”). Разница в роде существительного объясняется тем, что в немецком языке слово „лиса” (*Fuchs*) мужского рода. В немецком фразеологизме используется определение „старый” для указания опытности пройдохи. Русский фразеологизм взят из фольклора, где лиса – символ хитрости, ловкого ума. „Дополнительный” компонент – *Патрикеевна* – уточняет, делает более экспрессивным значение основного компонента. Определение восходит к имени литовского князя *Патрикея*, коварно и хитро посеявшего вражду между новгородцами. Выражение известно с XIV–XV вв. [8, с.133]. В русском языке зафиксированы и фразеологизмы *старый лис*, *старая лиса* (*лисица*) с пометами *устар.*, *презр.*

Сравним русский фразеологизм *знать (все) ходы и выходы* и немецкий *alle Schliche kennen* („знать все лазейки”): т.е. такой человек проникает всюду путём хитрости, происков, знает, как обойти препятствия. В немецком языке используется лексема „лазейки”, благодаря которой возникает представление о возможности обойти даже очень большие трудности, найдя в них самые узкие щели. В русском языке такой эффект достигается путём использования однокоренных слов с корнем *ход-*.

Русское *прожжённый плут* – польское *wyrafinowany oszust* („изошрённый плут”). В польском языке особое мастерство

мошенника подчёркивается прилагательным „изошрённый”, т.е. владеющий разными способами мошенничества.

Таким образом, в рассматриваемой части фразеологических систем указанных языков выделены три блока: ФЕ эквивалентные (и формально, и семантически), частично эквивалентные, безэквивалентные.

Удельный вес блоков различен, причем менее всего единиц в первом блоке. Это вполне закономерно, так как, „представляя собой один из основных каналов взаимодействия с миром, национальный язык выступает как своеобразная операционная система для нашей мысли <...>. Иными словами, язык подсказывает (а порой и тиранически навязывает) нам путь в интерпретации действительности, он – проводник в человеческом освоении (усвоении и даже присвоении) мира” [9, 217].

Наблюдается определённая взаимосвязь между эквивалентностью и оценочностью: в блок эквивалентных ФЕ входят только единицы, положительно характеризующие человека. Можно утверждать, что „добро” универсально, а „зло” – этноспецифично. Причём совпадать может не только образность (*muxi ne obidum – tuchy nie skrzywdzi – keiner Fliege etwas zuleide tun*), но и морфемная структура, и коннотация (как пчёлка – *jak pszczołka*).

Наиболее ярко этноспецифику отражают безэквивалентные ФЕ, содержащие лексемы, которые называют национальные реалии: *балалайка, бука, kotorny, Scharmützel*; имена собственные (*Сенька, Лиса Патрикеевна, Tomasz, Bartel*).

Принцип антропометричности обуславливает особую значимость во фразеологической системе языка соматической лексики: она выявлена в пятой части ФЕ. Чаще всего употребляются соматизмы „язык”, „сердце”, „душа”, причём последний – только в славянских языках. В блоке безэквивалентных фразеологизмов русской фразеосистемы преобладают соматизмы (их там втрое больше, чем в польской и немецкой), что позволяет, по нашему мнению, говорить об

уникальности (не случайно говорят о загадочности русской души) русской фразеологической картины мира.

Как известно, знаки кода животного мира служат наименованиями разных фрагментов концепта 'человек', позволяют говорить об аналогизации сценариев концептов 'человек' и 'животное'. Так в результате обратной метафоры возникли фразеологизмы *волк в овечьей шкуре* – *wilk w owczej (jagnięcej) skórze* – *ein Wolf im Schafspelz* и подобные, в которых человеческие качества были зафиксированы за животными, а затем с помощью зоонимов была создана образная номинация человека.

В собранном нами материале безэквивалентных фразеологизмов чаще всего встречаются русские ФЕ, польских и немецких – в три раза меньше.

Этноспецифические особенности во фразеологии близкородственных и неблизкородственных языков заслуживают пристального внимания со стороны лингвистов, поскольку выявляют национальный менталитет народа – носителя языка и его картину мира.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Хотеть и его синонимы : заметки о словах / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. – М. : Школа „Языки русской культуры”, 1995. – Т. II. – С. 434 – 453.
2. Ашукин Н. С. Крылатые слова : Литературные цитаты, образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина – М. : Современник, 1996. – 526 с.
3. Бирих А. К. К истории и этимологии русских фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Ф. П. Сороколетов, Л. И. Степанова // Национальные лексико-фразеологические фонды. – СПб. : Норинт, 1995. – С. 115 – 121.
4. Гвоздарев Ю. А. Рассказы о русской фразеологии / Ю. А. Гвоздарев. – М. : Просвещение, 1988. – 190 с.
5. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 351 с.

6. Ладогенко Д. В. Образная основа фразеологизмов как способ осмысления действительности / Д. В. Ладогенко // Мова. – Одеса : Астропринт, 2009. – С. 154 – 157.

7. Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр „Академия”, 2001. – 208 с.

8. Мокиенко В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М. : Высш. шк., 1989. – 196 с.

9. Радбиль Т. Б. Основы изучения русского языкового менталитета / Т. Б. Радбиль // Русский язык и литература во времени и пространстве. – Т.1. – 2010. – С. 216 – 222.

10. Ройзензон Л. И. Лекции по общей русской фразеологии / Л. И. Ройзензон. – Самарканд : Изд-во Самарк. ун-та, 1973. – 221с.

11. Селіванова О. О. Нариси з української фразеології (когнітивний та етнокультурний аспекти) / О. О. Селіванова – К. – Черкаси : Брама, 2004. – 276 с.

12. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв. / Под ред. А. И. Фёдорова. – М. : Топиал, 1995. – 608 с.

13. Dornseiff Fr. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen / Fr. Dornseiff-Berlin, 1959. – 342 с.

14. Skorupka S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1989. – Т. 1 –2.

15. Spagińska-Pruszek A. Intellect we frazeologii polskiej, rosyjskiej i chorwackiej / A. Spagińska-Pruszek – Łask : LEKSEM, 2005. – 299 с.